

менно и нормативной базой для осуществления права на экологическую информированность. Однако положения отдельных документов представляют собой правовую основу исключительно для экологической информированности.

В качестве примера можно привести п.2 ст. 18 Градостроительного кодекса РФ от 7 мая 1998 года ФЗ № 73-ФЗ (с изменениями от 30 декабря 2001 года), в которой говорится о том, что информирование граждан, их объединений и юридических лиц Российской Федерации о градостроительной деятельности осуществляется соответствующими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления через средства массовой информации, посредством проведения общественных обсуждений, а также организации экспозиций и выставок. При этом в случае непредоставления информации, ее несвоевременного предоставления, предоставления неполной и (или) недостоверной информации о состоянии среды жизнедеятельности и ее предполагаемых изменениях соответствующими органами

государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами граждане Российской Федерации имеют право обращаться в суд (п. 3).

Необходимо отметить, что особую важность представляет собой информирование населения об экологически значимых факторах, влияющих на здоровье людей. Ключевая роль в указанной сфере принадлежит Основам законодательства об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года, ст. 19 которых налагает на местную администрацию обязанность предоставления соответствующей информации через СМИ или непосредственно гражданам по их запросам.

Таким образом, экологическая информация и экологическая информированность - лишь две сущности одного и того же явления, имеющие, однако, собственные специфические особенности.

Важно подчеркнуть, что право на экологическую информацию реализуется лишь при полной информированности человека.

Политические науки

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ КОНЦЕПТА ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ.

Скиперских А.В.

Елецкий государственный университет

им. И.А. Бунина,

Елец

Легитимность – один из ключевых аспектов политической власти, в течение долгого времени находится в фокусе исследовательского интереса политической науки. В последнее время, в результате многочисленных трансформаций, системных кризисов и становлением новых системных форм, усложняющиеся варианты взаимодействия между поддержкой и субъектами легитимности, внимание к феномену легитимности является нормой современного политического дискурса. О легитимности говорят многие политики, обозреватели СМИ, наиболее рефлексивные представители поддержки, создающие энергию и артикулирующие ее, и многие другие. Разумеется, наиболее существенный вклад в оформление, структурирование и наполнение концепта «легитимность» вносит политическая наука. Фундаментальные исследования этого феномена содержат классификации легитимности по механике взаимодействия между поддержкой и субъектами легитимности. Наша задача проследить становление и развитие концепта одного из вариантов взаимодействия, основанного на разделенных идентичностях поддержки и постараться предложить новое прочтение ее концепта. Заметим, что классификационный сценарий, связанный с непосредственным участием политического лидера, всегда был достаточным для определения и исследования.

Под легитимностью следует понимать сознательное признание обществом права политических лидеров и институтов политической власти на принятие

управленческих решений, политических поступков и действий, а также права предписывать нормы социального коллективного (индивидуального) поведения, опираясь на властное принуждение.

Первая попытка классифицировать легитимность была осуществлена М. Вебером на рубеже XIX и XX веков. Немецкий ученый выделил харизматическую, традиционную и рационально-легальную легитимность. Легитимность, основанную на персонификации, на исключительных качествах политической персоналии (яркая внешность, дар красноречия, религиозность, умение управлять толпой, наличие свиты и т.д.) М. Вебер «прочитал» как харизматическую. Термин «харизма» тогда уже был введен в научный оборот немецким социологом Э. Трельгем. Концепция легитимности М. Вебера, учитывая ее «возраст» и в каком-то смысле оригинальность, сумевшую оптимизировать научный интерес к феномену «легитимность», несомненно, является классической. Спустя некоторое время, реалии изменившегося мира потребовали иного взгляда на концептуальное содержание «легитимности», в том числе и на механизмы, отвечающие за легитимацию по фактору персонифицированного. Сегодня многие исследователи, например, считают, что «харизма» как фреймовая конструкция начала себя издерживать, если, вообще, не утратила способность определять архитектуру взаимодействия между источниками и носителями легитимности. Тому виной может быть недостаточная этимологичность харизмы, а также религиозный ореол изначального употребления, заложенный как прерогатива самим М. Вебером. В этой связи концепт не мог не приобрести иное прочтение, отказавшись от судьбы повсеместного использования и откликнувшись на своевременные вызовы демократизовавшегося мира.

В 1960-х годах в политический язык вошло понятие «политической системы». Его ввел американский политолог Д. Истон. Вместе с фундаментальными исследованиями, проведенными Д. Истоном применительно к политической системе, им была еще и разработана теория поддержки, одного из факторов, определяющих функциональные возможности политической системы. Так была «почувствована» диффузная и специфическая поддержка. Вместе с этим Д. Истон классифицировал и привязанности поддержки, создающие типы легитимационных сценариев. Предлагалось классифицировать персональную, структурную и идеологическую легитимность. Таким образом, в связи с утрачиванием харизмы, но сохранением личных привязанностей к легитимирующемуся политическому игроку, концепт персонифицированной легитимности испытал определенное креативное влияние, основным направлением которого нужно признать освобождение от сопровождающей харизму архаичной феноменологии.

В конце XX века французский правовед Ж.-Л. Шабо предлагает определять технократическую и демократическую легитимность применительно к ситуации с закреплением права власти использовать собственные ресурсы. При этом власть не выступает чем-то собирательным, она достаточно четко оперсоналена. У власти есть конкретное лицо. Скажем, выделяя технократическую легитимность, Ж.-Л. Шабо среагировал на последствия «революции менеджеров», приход к власти исключительно компетентных политических игроков. Трудно не увидеть в созданном Ж.-Л. Шабо концепте технологическую, работающую на конкретную политическую персоналию. В контексте сконструированной Ж.-Л. Шабо передигмы легитимности, власть и ее реализация выступают особым конфигуративным полем, играть на котором суждено только технократичным игрокам. Причем в последнее время подобный «вымысел» упорно пытаются донести до массового сознания, т.е. тех, кто интегрируется в поддержку. Например, вокруг нового премьер-министра РФ М. Фрадкова создан ореол «технократичности», и какие-либо исследования и аналитику его деятельности на этом посту просто рекомендуют проводить в рамках «технократической» парадигмы.

Изменяющийся политический мир, разбуженный и оптимизированный демократическими импульсами, заставляет нас находить и объяснять варианты новых сценариев, создающих факт легитимности. В случае появления таковых и их структурной достоверности, вполне способной после организации прецедентов креативировать устойчивые практики, есть все основания либо изменять концепт, либо пытаться расширить его, наполнив новым содержанием. В нашей ситуации, наверное, возможен второй случай. Наполненный концепт нуждается в переосмыслении и, после этого, в новом прочтении.

На наш взгляд, вариант верификации легитимности на игру поддержки с конкретной политической персоналией должен состоять из нескольких сценариев, способствующих включению механизма легити-

мации. Мы предлагаем классифицировать персонифицированную легитимность на гендерную, визуальную и профессиональную.

В основе гендерной легитимности лежит признание права власти на принятие политических решений, основанное на факторе половой принадлежности. Переход к демократическим принципам функционирования политических институтов поставил под сомнение существовавшие в ряде стран институциональные фильтры. Женщины активно пользуются правом политического участия, и, наоборот, вследствие этого являются раздражителем для мужчин. Примером можно привести ситуацию с выборами президента в Афганистане, когда выдвижение М. Джалалы было больше декоративным. В то же время у женщин в современном политическом процессе много и успешных практик.

Визуальная легитимность, несомненно, представляет собой очень эффективный сценарий взаимодействия между поддержкой и субъектами легитимности. Многим россиянам нравится спортивность В. Путина и в этом смысле он гораздо убедительнее своего предшественника. Можно сравнить визуальную легитимность с любовью с первого взгляда. Во время политического кризиса на Украине и противостояния В. Ющенко и В. Януковича, последний выглядел гораздо привлекательнее визуально. Поддержка, оформленная в результате разделенных идентичностей с субъектом легитимации по визуальному фактору, не стремится проникать в структуру предпочтений, как правило, не обращает внимание на «тонкости» программы кандидата на легитимацию, больше руководствуясь эмоциональными и аффективными привязанностями.

Что касается профессиональной легитимности, то в ее основе лежит признание права на реализацию власти политика, являющегося профессионалом. Причем нужно допускать, что профессиональной легитимностью может быть легитимность, присущая политическому игроку из той сферы, в которой он был занят как компетентное лицо, достиг в ней каких-либо успехов, вследствие чего и воспринимается как технократ. Актерская подготовка и чувство юмора Р. Рейгана помогли ему выиграть теледебаты у Д. Картера. Легитимность первых президентов Азербайджана и Грузии, А. Эльчибея и З. Гамсахурдиа, вероятно, тоже профессиональна, т.к. они пришли к власти законным образом и на демократической волне, будучи представителями творческих кругов диссидентствующей интеллигенции.

Таким образом, можно признать, что персонифицированная легитимность состоит из нескольких компонентов: гендерного, визуального и профессионального. Возможно, ввиду того, что предложенная нами классификация наиболее современна, и, поэтому, подвержена корреляции с появляющимися и конституирующимися вариантами легитимационных игр, ее прочтение (даже на уровне дефиниций) может оптимизировать научный интерес к проблемам легитимности власти и обеспечить качественное прочтение.